

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 001.6

**С. Ф. ДЕНИСОВ
Л. В. ДЕНИСОВА**

Омский государственный
педагогический университет
Омская академия МВД России

СИСТЕМАТИКА ОКОЛОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье дается общая характеристика околонаучного знания и рассматривается новое основание его классификации. Предлагается систематизация, основанная на принципе приближения либо удаленности знания от самой науки. Выделяются три типа околонаучного знания, в каждом из которых имеются свои разновидности. Обосновывается мысль об опасности проникновения околонаучного знания в систему науки.

Ключевые слова: наука, околонаучное знание, квазинаука, альтернативная наука, сотериологическое околонаучное знание, симуляция.

Околонаучное знание принято делить на многочисленные подвиды, при этом в основание деления обычно кладутся гносеологические особенности, что вполне оправданно и не требует каких-либо особых обоснований. Однако деление околонаучного знания по гносеологическим основаниям вряд ли можно назвать эвристичным. Все дело в том, что гносеологические особенности у всех видов околонаучного знания примерно одни и те же: нарушение законов логики, правил и традиций научного исследования и научной аргументации. По-видимому, необходимо структурировать околонаучное знание не по логико-гносеологическим, а по иным основаниям.

Околонаучное знание представляет собой подобие науки, ее имитацию, симуляцию. Однако степень си-

мулятивности может быть различной. Эти различия можно сравнить с Солнечной системой, которая, как известно, разделяется на три региона. Первый регион расположен вблизи Солнца и состоит из четырех планет земной группы — Меркурий, Венера, Земля, Марс, а также пояса астероидов, отделяющего первый регион Солнечной системы от второго. Второй регион Солнечной системы начинается за пределами пояса астероидов и включает в себя четыре гиганта — Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун. За этими планетами находится пояс Койпера, представляющий третий регион Солнечной системы.

Представим, что наука — это Солнце, тогда весь комплекс околонаучного знания можно уподобить трем регионам, а все то, что выходит за пределы около-

научного знания и совсем уже не сходно с наукой, можно отнести к вненаучному знанию, функционирующему и развивающемуся по законам, отличным от научных. Вненаучное знание представлено мифологией, религией, искусством. Иначе говоря, околонаучное знание симулирует знание научное, в то время как вненаучное знание не представляет собой такого рода симуляции. И, если использовать терминологию, применяемую для описания строения Солнечной системы, то первым регионом околонаучного знания будет выступать то знание, которое располагается вблизи науки. Оно настолько близко подступает к науке, что их орбиты порой пересекаются, и околонаучное знание первого региона вторгается в орбиту собственно научного знания. В силу чего уже на периферии научного знания появляются его первые имитаторы, его первые симулякры. Первый регион околонаучного знания логично обозначить термином «квазинаука». Квазинаука — (от лат. quasi — якобы, как будто, как бы, очень похожий, лживый) — это такое околонаучное знание, которое внешне очень сильно напоминает науку.

Иногда околонаучное знание первого региона называют паранаучным. Так, по мнению А. А. Ивина, все многообразие теоретических исследований можно разделить на научные, паранаучные и псевдонаучные. При этом под паранаукой понимается «все многообразие сопутствующих науке теоретических течений и направлений, существующих за пределами науки, но связанных с нею определенной общностью проблематики или методологии» [1, с. 11]. Типичный пример паранауки — парапсихология, изучающая необычные явления предвидения, телепатии, левитации. К псевдонауке А. А. Ивин относит идеи и подходы, которые в принципе несовместимы с научным знанием. Примером псевдонауки могут выступать хиромантия, физиогномика, френология, астрология. При этом наука и псевдонаука являются не противоречащими, а противоположными понятиями.

Вряд ли можно согласиться с методологией употребления понятия «паранаука», которое в переводе как раз и означает «околонаучное знание». Получается, что паранаука располагается около науки, а лженаука вообще выходит за пределы околонаучного знания. Активное использование термина «паранаука» в исследовании и классификации околонаучного знания приводит к терминологической путанице. По этой причине вряд ли можно согласиться и с мнением Н. И. Мартишиной, которая, с одной стороны, отождествляет паранауку с околонаучным знанием, а с другой — рассматривает паранауку как вид околонаучного знания, имеющий непосредственную связь с мифологией. В сложившейся ситуации нам представляется, что термин «квазинаука» более точно отражает характеристику околонаучного знания первого региона.

Второй регион состоит из тех околонаучных знаний, которые удалились от науки на гораздо большее расстояние. Этот род околонаучного знания уже не стремится зеркально имитировать науку и даже гордо подчеркивает свое несходство с наукой. Представители этого типа околонаучного знания часто презрительно именуют настоящую науку «догматической» или «академической», вкладывая в эти определения настолько мощное негативное содержание, что и врагу не пожелаешь быть академиком.

Второй регион околонаучного знания представлен симулякрами второго порядка. Специфика этого рода симулякров видится в том, что они искажают образ науки, вполне сознательно противопоставляя себя ей.

Может показаться, что в таком противопоставлении теряется смысл рассматривать этот вид околонаучного знания как симуляционный. Однако если в этом знании не просматривается стремление имитировать науку, то очевидно желание заместить ее своими, якобы подлинно научными результатами и теориями. Создатели этого рода знания считают свои достижения подлинно научными, а знанию, которое выдает официальная наука, приписывают множество недостатков. Думается, что околонаучному знанию второго региона подходит название «альтернативное». Впрочем, это скорее самоназвание, потому что именно творцы и активисты околонаучного знания второго региона предпочитают называть свои плоды альтернативной наукой, а сами гордо именуют себя «альтернативщиками» или «альтами».

Конечно, можно было бы назвать околонаучное знание этого региона как-нибудь по-другому, например, «лженаукой» или «уродливой», «фрической», т.е. так, как ее называют наиболее радикальные противники околонаучного знания, которые, кстати, и выступают против самоназвания. Однако в этих обозначениях можно усмотреть оскорбительный смысл, в то время как научная этика все-таки рекомендует воздерживаться от подобных резких характеристик. Нам представляется, что в употреблении самоназвания нет ничего опасного. Можно вспомнить, что в свое время Платон и его сторонники резко полемизировали с симулякрами от философии — софистами. Софисты — это тоже самоназвание. Ну и что? — Тем хуже для них! Скромность издревле была добродетелью, и только нескромный человек может назвать себя мудрецом (софистом).

Околонаучное знание третьего региона, образно выражаясь, находится за пределами пояса Койпера, на границе другой звездной системы Млечного пути и подчас испытывает большое влияние не Солнца, а других сфер внесолнечной системы — вненаучных сфер знания — религии, мифа, искусства или обыденно-массового сознания. Околонаучное знание третьего региона состоит из симулякров третьего порядка, и это знак того, что на науку оно совсем не похоже, ее образ искажается до неузнаваемости. Тем не менее этот род симуляционного знания все же остается околонаучным, хотя и располагается очень далеко от науки. Удаленность от науки и близость к вненаучному знанию накладывает определенный отпечаток на специфику околонаучного знания третьего региона.

Знания этого рода симулируют, прежде всего, философскую науку, центральным разделом которой является философская антропология с ее основной проблемой — проблемой спасения. При этом для решения основного философско-антропологического вопроса активно привлекается онтология и гносеология. Более того, околонаучное знание третьего региона испытывает влияние тех вненаучных сфер, в которых центральной проблемой является проблема спасения. Особенно ярко и выпукло это представлено в мировых религиях, именуемых также религиями спасения.

В третьем регионе уютно расположился сциентизм — тот сциентизм, который достиг высшей метафизической стадии. В то же время к околонаучному знанию третьего региона вполне можно отнести те знания, которые привлекаются для решения религиозного пути спасения и для обоснования основных догматов религий спасения. Понятно, что эти знания черпаются из науки, в силу чего они вполне могут быть отнесены именно к околонаучному знанию.

Различного рода экзотические, мистические, оккультные науки, претендующие на решение проблем спасения, часто симулируют науку. В силу чего околonaучное знание третьего региона можно назвать сотериологическим.

Таким образом, многообразные околonaучные знания можно структурировать и именовать по степени их приближенности или удаленности от науки и вненаучных знаний. Опираясь на эти основания, можно зафиксировать такие сферы или регионы околonaучного знания, как квазинауку, альтернативное и сотериологическое околonaучное знание. Квазинаука максимально приближена к научному знанию и максимально удалена от вненаучного знания. Альтернативное околonaучное знание занимает срединное место в системе околonaучного знания, располагаясь примерно в равной удаленности, как от научного знания, так и от вненаучных знаний. И, наконец, сотериологическое околonaучное знание максимально удалено от науки и максимально приближено к вненаучному знанию.

Все существующие классификации околonaучного знания, как и любые классификации вообще, рассматривают околonaучное знание в статике. И это даже несмотря на многочисленные упоминания об историческом развитии околonaучного знания. Такого рода классификации вряд ли можно назвать эвристичными.

Предлагаемая нами классификация околonaучного знания по степени его симулятивности носит эвристический характер и позволяет рассматривать околonaучное знание не только в статике, но и в динамике. Представленная нами схема является не просто классификацией, в которой, подобно книгам в библиотеке, неподвижно расположились конкретные виды околonaучного знания, а концептуальной схемой, в которой околonaучное знание в своем развитии симулирует не только структуру и гносеологические особенности научного знания, но и развитие науки от низших ступеней к высшим.

Квазинаука, или околonaучное знание первого региона, симулирует эмпирический уровень научного знания, или, точнее, пыгается зафиксировать в форме научных фактов такую реальность, которую наука или не способна зафиксировать на современном этапе своего развития, или игнорирует ее как реальность ложную. В квазинауке также можно выделить три слоя.

Квазинаука первого слоя состоит из заведомо слабых в научном плане работ, которые могут быть названы очень емким словом «халтура». Халтурщик симулирует деятельность, выполняя ее с низким качеством. Халтурная работа — это симулякр настоящей работы. Халтурщики подвизаются во всех сферах человеческой деятельности, не является исключением и наука. Халтурщик от науки симулирует научную деятельность, при этом старается симулировать те виды и формы научной деятельности, которые приносят быстрые и большие деньги. Поскольку наука во многих случаях финансируется различными фондами, предоставляющими гранты, постольку повышенное внимание к грантам уделяют халтурщики. Приносят деньги ученые звания и ученые степени — и здесь появляются халтурщики! Другой разновидностью халтуры, как первого слоя первого региона околonaучного знания, является мошенничество в науке. Сюда следует отнести фальсификации научных открытий, а также плагиат.

Но не только деньги и жажда славы первооткрывателя способствуют возникновению и распростра-

нению квазинауки. Существенную роль здесь играют идеология и власть. Когда в науку вторгается идеология — возникает такая разновидность квазинауки, как идеологизированная наука, в которой идеологическая риторика вытесняет взвешенную научную дискуссию, а вместо научных аргументов предъявляются властно-идеологические доводы [2, с. 90 — 99].

Идеологизированная наука может быть рассмотрена как второй слой первого региона околonaучного знания. При этом часть идеологизированного научного знания находится еще в сфере науки, а другая часть выходит за ее пределы, формируя орбиту собственно околonaучного знания.

В нашей стране в начальный период развития социализма квазинаука активно поддерживается государством в разных отраслях знания, в частности, в физике (А. А. Максимов и Р. Я. Штейнман), в химии (Г. В. Чельинцев), в биологии (О. Б. Лепишинская). Однако наиболее известным был и остается феномен «лысенковщины». Еще одним примером идеологизированной науки в области гуманитарного знания является так называемая конспирология, согласно которой в мире действуют тайные, злые силы, объединенные в секретные общества и плетущие нити заговора против человечества или ведущие против него тайную войну. Таким образом, становится очевидным, что квазинаука, внедряясь и смешиваясь с наукой, наносит ей ощутимый вред. Все это является реальной демонстрацией той опасности, которая идет от околonaучного знания и еще раз указывает, что к околonaучному знанию нельзя относиться толерантно в тех случаях, когда оно проникает в науку. Наука должна быть защищена от околonaучного знания.

Третий слой первого региона околonaучного знания уже выходит за рамки собственно научного знания и начинает симулировать научную деятельность за ее пределами, но около науки. Этот слой составляют многочисленные и многообразные предположения о существовании паранормальных явлений, таких как телепатия, ясновидение, психогенез, левитация и многих других, не регистрируемых наукой, а также повествования о явлениях, не фиксируемых научными средствами и методами (история о древних космонавтах, о снежном человеке, чудовище из озера Лох-Несс, о детях, воспитанных зверьми, и других).

Околonaучное знание третьего слоя первого региона симулирует фактологическую сторону научного знания и познания, где перечисленные предположения и повествования о паранормальных и ненормальных явлениях претендуют на роль научных фактов. Однако околonaучные факты нуждаются в теоретическом объяснении, в силу чего околonaучное знание первого региона неизбежно переходит во второй регион — регион альтернативной науки.

Альтернативное околonaучное знание, или околonaучное знание второго региона, представлено симулякрами эмпирической теории, а иногда симулирует теоретический уровень научного знания. Альтернативное околonaучное знание, подобно квазинауке, представлено тремя слоями.

Первый слой альтернативного околonaучного знания второго региона представлен знанием, симулирующим какое-либо конкретно-научное знание. Альтернативное околonaучное знание симулирует практически все виды научного знания. При этом наибольшее распространение этот вид знания нашел в таких отраслях научного знания, как история, медицина, языкознание.

К околonaучному историческому знанию относятся различного рода историко-философская пуб-

лицистика, в которой ради какой-либо идеи (философской, патриотической, националистической и т.д.) исторический факт искажается до неузнаваемости. Наиболее яркими представителями такой околонаучной истории являются Э. Радзинский, А. Янов, В. Кожанов, пантюксист М. Аджиев, «зоологический патриот» Н. Ф. Шахмагонов, создатель фантастической истории белорусского средневековья М. Ермакова и другие [3, с. 177 – 189].

Однако такого рода альтернативная история испытывает огромное влияние массового сознания и часто соскальзывает собственно с научной территории на пространство бытия вненаучного знания — знания массовой культуры. Другая часть околонаучной альтернативной истории также покидает пределы околонаучного знания, вторгаясь в сферу искусства, в сферу художественной литературы.

Особое место в первом слое околонаучного знания второго региона занимает альтернативная медицина. Термин «альтернативная медицина» используется преимущественно в США, а в Европе такого рода медицину чаще всего называют «нетрадиционной». Интерес публики к альтернативной медицине постоянно растет, по крайней мере, не угасает. Достаточно посмотреть на полки книжных магазинов и витрин газетных киосков, заставленных литературой (так и хочется сказать — макулатурой) по нетрадиционному, а подчас народному лечению.

Второй слой альтернативной науки, или околонаучного знания второго региона, представлен симуляцией эмпирического уровня научного знания. Наиболее ярким представителем такого рода околонаучного знания выступают уфология, графология и другие.

Третий слой околонаучного знания второго региона представлен симуляцией общенаучных теорий, объясняющих уже не отдельные факты, а их совокупность. Этот слой, имитируя объяснительные научные теории, так или иначе, начинает претендовать на знание, способствующее выживанию и спасению человека. Постепенно разрастаясь, околонаучное знание становится знанием третьего региона, знанием сотериологическим.

Сотериологическое околонаучное знание симулирует предельно широкие научные теории и философскую науку, пытаясь обосновать специфические модели и стратегии спасения. Сотериологическая наука, или околонаучное знание третьего региона представлено знаниями, в которых излагаются какие-либо стратегии спасения, предлагаются различные модели спасения. Такого рода знание неизбежно, ибо околонаучное знание стремится не только выдать объяснительные конструкции, но и симулировать конечные смыслы как науки, так и любого другого знания. Но поскольку именно наука проявила себя как наиболее эффективная практическая система спасения, постольку именно эту особенность научного знания и симулирует околонаучное знание.

Сотериологическое околонаучное знание неоднородно, в нем также можно выделить три слоя.

Первый слой сотериологического околонаучного знания представлен знанием о различного рода средствах, предметах, наделенных сверхъестественной силой избавлять человека от множества различных болезней, избегать опасностей и достигать в этой жизни определенного успеха. В древности таким спасительным продуктом околонаучного знания выступал «философский камень». Современной массовой культуре околонаучное знание третьего региона предлагает такой предмет спасения, как пирамиды. Доволь-

но часто свойствами универсального спасительного средства в околонаучном знании наделяется обычная вода, но обработанная определенным паранаучным способом.

Второй слой сотериологического околонаучного знания представлен симуляторами метатеоретического и философского уровня. Здесь осуществляется поиск теоретических конструктов, которые могли бы обладать универсальной объяснительной силой, связывать в единую теорию многочисленные факты, объясняя особенности их существования глубинной, сущностной реальностью. В околонаучном знании в последнее время таким конструктом выступила идея существования торсионных полей. Именно концепция торсионных полей оказывается в центре современных околонаучных концепций спасения. Спасаются в этом мире те, кто овладел, подчинил себе энергию торсионных полей и живет в соответствии с тонким миром, наполненным торсионными полями! Спасаются те, кто черпает информацию в торсионных полях!

Кружится, кружится вокруг науки огромный и разнообразный массив околонаучного знания, образуя регионы, состоящие из различных слоев. И не хочет околонаучное знание покидать орбиту-систему научного знания. И околонаучное знание изначально начинает симулировать сотериологическую составляющую научного разума, — околонаучное знание объявляет себя спасителем мира и человечества. Третий слой сотериологического околонаучного знания третьего региона располагается в сфере вненаучного знания и поэтому вступает в конфликт, прежде всего, с устойчивыми религиозными традициями (религиями спасения). Но околонаучное знание разрешает этот конфликт простым способом — оно само превращается в религию или вторгается в сферу искусства. Так, в художественной литературе широко представлены сюжеты околонаучного знания, а потому можно вести речь о таком литературном жанре, как околонаучная фантастика. Она представляет собой произведения, в которых художественными средствами описываются и осмысливаются основные идеи, сюжеты и мотивы околонаучного знания: тонкие миры, цивилизации атлантов и лемурийцев, мировое правительство, люди с третьим глазом, повествования об НЛО, успехи альтернативной медицины, люди со способностью телепортации, телекинеза, перемещения во времени и пространстве и т.д. К жанру околонаучной фантастики может быть отнесено художественное осмысление мистических мест: Бермудский треугольник, феномен Тунгусского взрыва, феномен пяти озер в Омской области и множество других всемирно известных и менее известных региональных мест. Правда, литературоведение выделяет еще такой жанр, как фэнтази, который противопоставляется научной фантастике. Однако фэнтази, в отличие от околонаучного знания, никогда не апеллирует к науке, выражая антисциентистские тенденции, в то время как в околонаучном знании представлена симуляция науки.

Таким образом, околонаучное знание, состоящее из трех регионов — квазинауки, альтернативной науки и сотериологического знания, симулирует научное знание, а регион сотериологического околонаучного знания начинает активно симулировать и религиозное вненаучное знание.

Библиографический список

1. Ивин, А. А. Современная философия науки / А. А. Ивин. — М. : Высшая школа, 2005. — 592 с.

2. Ахундов, М. Д. У истоков идеологизированной науки / М. Д. Ахундов, Л. Г. Баженов // Природа. — 1989. — № 2. — С. 90–99.

3. Володихин, Д. М. Феномен фольк-истории / Д. М. Володихин // Мифы «новой хронологии»: материалы конф. на ист. факультете МГУ. 21 декабря 1999. — М.: Русская панорама, 2001. — С. 177–189.

ДЕНИСОВ Сергей Фёдорович, доктор философских наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой

философии Омского государственного педагогического университета.

Адрес для переписки: denisov.sf@gmail.com

ДЕНИСОВА Любовь Владиленовна, доктор философских наук, профессор (Россия), начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД. Адрес для переписки: lvladilen@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.10.2013 г.

© С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова

УДК 13

**С. Ф. ДЕНИСОВ
В. И. КРАСИКОВ**

**Омский государственный
педагогический университет**

**Российская правовая академия
Министерства юстиции РФ,
г. Москва**

ПАМЯТЬ, ВРЕМЯ И «Я»

Статья посвящена экзистенциальной проблематике формирования сознания. Авторы выясняют особый временной статус «я», складывающийся на пересечении значимых фиксаций прошлого, актуальных оценочных и проективных идеализаций.

Ключевые слова: самосознание, память, переживания прошлого, настоящего и будущего.

Иногда мы задумываемся над тем, что же такое есть «мы» в нескончаемой веренице дней. Что объединяет сознание ребенка, подростка и взрослого? Что остается неизменным в радикальных возрастных изменениях интеллекта и воли? Мы чувствуем, что в чем-то главном мы остаемся навсегда такими, какими уже стали где-то к юношескому возрасту. Мы можем относиться иронично к самим себе юным — в отношении образовательного уровня, волевых качеств и целеустремленности. Но мы до сих пор крайне серьезны в отношении тех жизненных устремленностей, которыми мы были тогда охвачены и которые остаются, может быть в несколько иной форме, и по сей день. Ибо это и есть собственно «мы». Попытаемся ответить на воп-рос: «Как, посредством чего формируемо чувство «я» в *содержании сознания?*» То начало, которое консолидирует сознание, придает ему его-колорит, лежащий в основании наших базовых устремленностей.

Мы часто находимся во владениях памяти: вспоминая, к месту и нет, приятные либо постыдные эпизоды своей прежней жизни. Это вообще нормальная диахронная ситуация сознания: бытие-сейчас и бытие-в-прошлом. Но эта «нормальность» на самом деле есть экстраординарность, т.к. есть метафизическое условие, базовая ситуация, собственно, и делающая возможным само существование наших «я», самосознания. Благодаря памяти создается, постоянно поддерживается и удерживается **ряд духовных значимостей**, который и оформляется в чувство «я». Это комплекс значимых, т.е. сильно волнующих, трогających нас «за живое», конкретно ориентированных эмоций, волевых самочувствий, мыслительных самоидентификаций, общих интуиций. Каждое из этих значимых состояний глубоко пережито, запомнено и превратилось для нас в метку «нас самих». И каждое из них отнюдь не абстрактно, не некая голая мысль.

Они связаны, пережиты нами как серьезные, значимо-личностные в неких «рубежных» эпизодах нашей биографии.

В этих эпизодах мы обретаем свою личность, становимся тем или иным человеком. Это и трогательные, жалостливые моменты. Это и уроки ненависти и унижения. Есть у каждого и постыдные, тщательно скрываемые моменты нашей «слабины», когда мы не прошли испытание «на вшивость». Из всего этого и складываются наши «я», наши личности. Мы-то знаем, что мы есть — **ибо помним**. Помним, что было в разных бывших ранее типичных жизненных ситуациях, и знаем, интуитивно чувствуем, как предположительно мы хотим себя вести далее. Лишь удерживая в памяти свой основной биографический временной ряд наиболее волнующих нас событий, **мы и узнаем себя** [1].

Кроме того, память и порождает саму возможность рефлексии — отстранения от только-настоящего, сего мига. Чтобы проанализировать себя, мы должны всегда вернуться во времени — даже хотя бы спустя минуту, к своим действиям или мыслям. Но воспоминание воспоминанию — рознь. Есть воспоминания машинальные, ситуативно-ассоциативные, с некоторым поводом. Наше актуальное ощущение своего присутствия в мире сопровождается общим не артикулированным смысловым потоком подобных спонтанных воспоминаний-ассоциаций. Интуитивно мы постоянно омываемы этим потоком, каждый раз получая как бы «крещение», подтверждая свою самоидентичность. Само «я» и становится возможным только в подобном образом спонтанном переживании протекания времени. Наше чувство «я» формируется всегда подспудно, знание о себе оформляется медленно и исподволь.

В это знание может вклиниться новое самородное, целеполагающее — это воспоминание-поиск некото-